

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 6

Десятый гость

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Десятый гость

<https://litres.ru/74087874>

SelfPub; 2026

Аннотация

Они не виделись десять лет. Девять бывших учеников закрытой школы-интерната «Берёзовая роща» возвращаются на место, где прошло их детство. Десятилетие выпуска — повод вспомнить прошлое, заглянуть в старые спальни, пройти по тёмным коридорам. Но кто-то ждал их здесь всё это время.

Входная дверь заварена снаружи. Телефоны не ловят, машины исчезли. В заброшенном здании они не одни — и тот, кто остался здесь десять лет назад, не собирается отпускать их живыми.

У каждого есть тайна. У каждого — алиби. И только один из них знает правду о том, что случилось в ту ночь, когда они были детьми.

Захватывающий триллер-пазл с леденящей атмосферой. Каждая глава — новая улика, каждая страница — шаг к разгадке, которая ждала десять лет.

Смогут ли они раскрыть тайну прошлого, прежде чем оно настигнет их? Или эта ночь станет их последней?

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
ПРОЛОГ	5
ЧАСТЬ 1. ВСТРЕЧА	12
Глава 1	12
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	36
Гл	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Десятый гость

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Последний урок

Десять лет назад

Ночь в «Берёзовой роще» была такой же, как всегда, — глухой, давящей, пропитанной сыростью и страхом. Старые половицы стонали под ногами, вентиляция гудела за стеной, а за окнами, за железными решётками, стояла сплошная, непроглядная чернота леса. В этой школе не было тишины. Была только пустота.

Лена Павлова шла по коридору второго этажа. Босиком. В одной ночной рубашке, слишком тонкой для майской ночи. Она дрожала — не от холода. От страха. Левая щека горела, под глазом зрел синяк, губа была разбита и припухла. Во рту — привкус крови. Она не знала, что хуже — боль от удара или то, что ударил её тот, кому она верила.

В правой руке она сжимала конверт. Обычный бумажный конверт, купленный в деревенском магазине за три рубля. На нём она написала чёрной ручкой: *«Для тех, кто остаётся»*.

Она шла медленно, стараясь не дышать. Все спали. Командант проверял этажи в одиннадцать и уходил в свою каморку на первом этаже — пить чай и смотреть сериалы до

утра. До утра никто не войдёт. До утра она должна успеть.

Актовый зал находился в торце коридора. Дверь была приоткрыта — Лена сама оставила её так, когда приходила днём. Она вошла.

Зал встретил её темнотой и запахом пыли. Спектакли здесь ставили раз в год, на Новый год. Остальное время зал стоял пустым — ряды деревянных стульев, сцена с занавесом, портрет директора на стене. Степан Ильич Лобанов смотрел на неё с высоты двух метров — строгий, с тяжёлым подбородком и глазами, которые не улыбались никогда.

Лена остановилась перед портретом. Подняла конверт.

— Ты обещал. — Её голос сорвался на шёпот. — Ты сказал — сохранишь тайну.

Портрет молчал.

Она положила конверт на подоконник. Аккуратно, ровно. Так, чтобы любой, кто войдёт, увидел его сразу.

И вышла.

Днём, в кабинете директора, было жарко. Солнце било в окно, оставляя на паркетном полу жёлтый квадрат. Степан Ильич Лобанов сидел за своим столом — массивный, дубовый, с гербом школы на торце. Ему было пятьдесят. Он был крупным мужчиной, с широкими плечами и руками, которые привыкли не только подписывать бумаги. Раньше он работал в детском исправительном лагере. Говорили, что там

его боялись до коллик.

Лена стояла перед ним в школьной форме — тёмно-синяя юбка, белая блузка, пионерский галстук. Узкая, бледная, с тёмными кругами под глазами. В руках она держала дневник — общий, школьный, с расписанием уроков. Внутри — её записи. Её правда.

— Я знаю, что вы делали, Степан Ильич. — Лена говорила тихо, но твёрдо. — Я видела в ту ночь. Я знаю про Катю. Я знаю про всё. Если вы не скажете им правду — я расскажу всем.

Директор медленно поднялся. Кресло скрипнуло. Он обошёл стол и остановился в двух шагах от неё — слишком близко. Лена не отступила.

— Леночка. — Он улыбнулся. Улыбка была мягкой, почти отеческой. — Ты не понимаешь. Ты — ребёнок. Ты видела то, чего не было. А если было — то это была игра. Никто не поверит тебе.

— Я докажу. — Она подняла дневник. — Здесь всё записано. Даты. Время. Имена. Я напишу письмо. Я спрячу его. И если со мной что-то случится — его найдут.

Директор смотрел на неё. Долго. В кабинете стало тихо — только маятник настенных часов отсчитывал секунды.

Потом он подошёл к окну. Повернулся к ней спиной.

— Хорошо, — сказал он. — Приходи сегодня ночью в акт-овый зал. Я покажу тебе правду. Я покажу, кто на самом деле убил Катю.

Лена замерла.

— Вы знаете? — Её голос дрогнул.

— Я всегда знал, Лена. — Он обернулся. На его лице не было улыбки. — Я просто ждал, когда кто-то будет готов услышать.

Ночь. Актальный зал. Лена вернулась.

Она стояла у портрета, дрожа, сжимая руки в кулаки. Она не верила директору. Но она пришла. Потому что другого выхода не было.

Дверь открылась.

Вошедший был меньше, чем она ожидала. Силуэт — худой, невысокий. Тень от лунного света падала на пол длинной полосой.

— Ты пришла, Лена? — Голос был детским. Почти невинным. Высоким, с мягкими нотками, как у ребёнка, который читает стихи на утреннике.

Лена обернулась. Её лицо изменилось — от страха к ужасу.

— Это ты?! — Она не верила своим глазам. Отступила на шаг. — Нет. Это не может быть ты.

Голос засмеялся — тихо, почти ласково:

— А ты думала — учитель? Нет, Лена. Директор здесь ни при чём. Это всегда была я.

Лена отступала, пока спиной не упёрлась в подоконник.

Холодный камень впился в поясницу. Конверт лежал рядом — там, где она оставила его несколько часов назад.

— Зачем? — прошептала она. — Зачем ты убила Катю?!

Силуэт приблизился. Лена видела теперь руки — тонкие, детские руки. В одной из них блеснуло лезвие.

— Потому что она хотела рассказать всем, — сказал голос, и в нём не осталось невинности. — Как и ты. Вы обе хотели разрушить нашу семью. Нашу — *настоящую* семью.

— Катю убила не я, Лена. Ты убила Катю. — Голос звучал ровно, почти спокойно. — Ты была с ней в лесу. Ты толкнула её. Она упала и разбила голову. Ты помнишь? Ты помнишь, как побежала к директору? Ты сказала ему, что это несчастный случай. Но это была не случайность. Ты хотела, чтобы она исчезла.

Лена открыла рот. Хотела сказать, что это неправда. Что она не убивала Катю. Но слова застряли в горле.

— Ты видела, как я уходила из леса, — продолжал голос. — Ты видела моё лицо. Но ты не рассказала никому. Потому что ты испугалась. Ты думала, что это ты убила её. Ты носила это в себе десять лет. И сейчас ты умрёшь с этой ложью.

— Я... я не понимаю... — прошептала Лена.

— Ты умрёшь, потому что ты — свидетель. Ты видела меня в ту ночь. Ты видела, как я убила Катю. И ты теперь — угроза. Ты хотела рассказать. Ты уже написала письмо. Ты хотела разрушить всё.

Тень метнулась вперёд. Лена закричала.

— *Помогите!*

Крик разорвал тишину ночного коридора. Где-то за дверью послышался топот — кто-то бежал по лестнице, кто-то кричал в ответ. Дверь актового зала распахнулась.

Лена уже лежала на полу. Кровь расплывалась по паркету тёмным, почти чёрным пятном. Над ней стоял кто-то. Один из них. Мы не видели лица — только спину. Рука с ножом, в крови. Нож падает на пол. Звонкий удар о паркет.

Илья влетел в зал первым. Он застыл в дверях, не в силах двинуться. Его лицо было белым, как мел.

— Что ты сделал?! — закричал он. — Мы же договаривались! Мы должны были только напугать!

Голос — тот, кто стоял над Леной, — ответил. Он был ровным и холодным, как лёд.

— Она всё равно бы рассказала. Это был единственный выход. Теперь мы все — одна семья. Кровь на всех. И если кто-то из вас скажет — я убью вас, как её. Слышите? *Все*.

Кто-то в углу зарыдал. Кто-то побежал к двери. Кто-то упал на колени и закричал, закрывая лицо руками.

Камера медленно поднялась вверх. Треснутая люстра на потолке качалась из стороны в сторону, раскачиваясь от сквозняка. Её свет — тусклый, жёлтый — падал на лица стоящих вокруг. Мы не видели их. Только тени. Только страх.

Затемнение.

Через десять лет они поклялись молчать. И молчали.

Десять лет.

ЧАСТЬ 1. ВСТРЕЧА

Глава 1

Кладбище «Старо-Покровское» находилось в трёх километрах от города, на въезде в лесной массив. От трассы к нему вела грунтовая дорога, разбитая тяжелыми грузовиками, которые возили лес. Весной её размывало, летом она пылила, осенью превращалась в грязевую кашу, зимой её заметало по самую крышу. Но сейчас был конец мая, и дорога держалась сносно — сухая, с глубокими колеями, утоптанная редкими дачниками, которые ездили проверять свои участки.

Илья Соболев остановил «Ладу-Гранту» у ворот кладбища. Двигатель чихнул и заглох. Он сидел в машине ещё минуту, глядя на чугунные ворота с выцветшим красным крестом. Ворота были открыты. Кладбище было открыто, как всегда. Оно не закрывалось ни для кого.

Он вышел из машины. Воздух пах лесом и сырой землёй. Майское солнце стояло высоко, но здесь, под кронами старых берёз, было прохладно. Илья закурил — первую сигарету за день. Руки дрожали. Он не знал, от волнения ли, от недосыпа или от того, что просто не ел со вчерашнего обеда.

Дорога к могиле Лены заняла семь минут. Он шёл мед-

ленно, читая таблички на крестах — незнакомые имена, чужие жизни, чужие даты рождения и смерти. Рядом с одной из могил стояла женщина в чёрном платке. Она не обернулась. Илья прошёл мимо.

Могила Лены была в конце аллеи, у самой лесополосы. Памятник — простой серый гранит, без украшений, без фотографий. Только имя, дата рождения и дата смерти. Двенадцатое мая. Десять лет назад. Ей было восемнадцать.

Илья остановился. Смотрел на надгробие и молчал. В голове было пусто — не больно, не тоскливо, а просто пусто. Как будто все эмоции, которые должны были быть здесь, остались где-то там, в прошлом, и дошли только оболочка.

Он не знал, сколько простоял так. Может, минуту. Может, десять.

— Привет, Илья.

Голос был знакомым — мягким, чуть хриловатым, с той особенной интонацией, которую он узнал бы из тысячи. Он обернулся.

Анастасия Коваль стояла в пяти шагах от него. Она почти не изменилась — те же тёмные волосы, собранные в небрежный пучок, тот же прямой, изучающий взгляд, который всегда казался ей слишком взрослым для её возраста. Только вокруг глаз появились мелкие морщинки — и в них было что-то, чего Илья не помнил. Усталость? Или просто время.

— Аня, — сказал он.

Она усмехнулась — коротко, без тепла.

— Аня. Ты меня всегда так называл. После школы никто так не называл.

— Извини. — Он сделал шаг к ней, потом остановился.

— Ты... ты тоже приехала.

— Конечно. — Анастасия подошла к могиле. Посмотрела на имя на граните. — Десять лет. Круглая дата. Как мы и договаривались.

Они стояли рядом, не глядя друг на друга. Между ними был метр. И пять лет, за которые они ни разу не виделись и почти не говорили. Последний раз — на похоронах отца Ильи. Тогда она приехала, помолчала, уехала. И всё.

— Ты выглядишь... — начал Илья.

— Устало, — закончила она. — Знаю. Я выгляжу устало. Ты тоже.

— Я не спал.

— Я тоже.

Она повернулась к нему. В тени берёз её лицо казалось бледнее, чем он помнил. Анастасия всегда была бледной — и всегда это выглядело естественно, как часть её. Сейчас это выглядело почти болезненно.

— Ты уверен, что хочешь туда ехать? — спросила она.

Илья моргнул.

— В интернат?

— Да. — Она скрестила руки на груди. — Мы можем просто постоять здесь, помолчать, разойтись. Никто не узнает. Никто не осудит. Мы никому не обещали.

— Мы обещали друг другу, — сказал Илья. — Десять лет — круглая дата. Мы должны вернуться.

Анастасия смотрела на него долго. Слишком долго. Илья знал этот взгляд — она всегда так смотрела, когда что-то знала и решала, говорить или нет. Он научился ждать.

— Да, мы должны, — сказала она наконец. — Только я не знаю, зачем.

— Чтобы...

— Чтобы что? — перебила она. — Чтобы вспомнить? Чтобы всё повторить? Чтобы снова почувствовать тот страх и то чувство вины, которые мы носили в себе десять лет? Зачем, Илья?

— Мы должны были встретиться все. — Он говорил медленно, подбирая слова. — Все, кто был тогда в актовом зале. Мы так решили. Мы дали слово.

— Ты дал слово, — поправила она. — Я просто согласилась.

Илья замолчал.

Она была права. Это была его идея. Год назад он разослал всем сообщения — через старый школьный чат, который не использовался с выпускного. "Десять лет. Встречаемся в интернате. Двенадцатое мая. Кто может — приезжайте". Ответили все. Даже Денис. Даже Виктор.

Илья не знал, зачем он это сделал. Может, хотел перевернуть страницу. Может, хотел посмотреть им всем в глаза и спросить — помните? Может, хотел, чтобы они вместе по-

стояли там, где всё случилось, и сказали: да, это было, но мы живы. Мы выжили.

Или просто хотел увидеть их. Увидеть, что они тоже не спят по ночам.

Анастасия тяжело вздохнула. Потом сунула руку в карман лёгкого плаща и достала что-то. Илья не сразу понял, что это. Пожелтевший конверт, сложенный втрое, с потёртыми краями.

— Я нашла это, — сказала она. — Вчера, когда разбирала старые вещи. Мама переезжает, и я помогала ей. Оно лежало в коробке с книгами Лены. Её мать отдала мне эту коробку через год после её смерти. Я так и не открыла её. И вот...

Она протянула конверт Илье.

Он взял его. Пальцы дрожали — теперь он не мог это скрыть. На конверте было написано чёрной ручкой, знакомым почерком: *«Для тех, кто останется»*.

У него остановилось дыхание.

— Что внутри? — спросил он. Голос сел.

— Открой сам.

Он развернул конверт. Внутри был лист — обычная тетрадная страница, вырванная из клетчатого блокнота. На ней — ровный, аккуратный почерк Лены. Список.

Илья прочитал имена. Одно за другим.

Илья Соболев.

Анастасия Коваль.

Денис Воронов.

Ольга Темникова.

Константин Белов.

Рита Кравец.

Сергей Пастухов.

Виктор Громов.

Лена Павлова.

Десять имён. И её собственное — на последнем месте. Словно она знала, что её не будет. Или словно она уже тогда знала — она не останется.

Илья поднял глаза. Анастасия стояла неподвижно, глядя на него. Её лицо не выражало ничего.

— Это мы, — сказал Илья. — Все мы.

— Да, — сказала Анастасия. — Она знала. Она знала, что кто-то из нас её убьёт. И она оставила это на случай, если выживет тот, кому она доверяла.

Илья перечитал список снова. Восемь имён. Девять, если считать Лену. Десятое имя — чужое? Или он просто не заметил?

— Там десять имён? — спросил он.

— Десять, — кивнула Анастасия.

— Но нас девять, — сказал Илья. — Мы приедем в интернат. Девять человек. Лена мертва. Так почему десять?

Анастасия медленно улыбнулась — той самой улыбкой, которая всегда означала, что она знает больше, чем говорит.

— Я не знаю, Илья. Но я надеюсь, что сегодня мы это узнаем.

Она взяла конверт из его рук. Илья посмотрел на могилу Лены. На её имя, вырезанное в граните.

— Ты знаешь, что это значит? — спросила она.

— Что?

— Если она знала, кто её убьёт, — сказала Анастасия, пряча конверт обратно в карман, — значит, она знала и то, кто убил Катю.

Она повернулась и пошла к выходу. Илья остался стоять у могилы, глядя ей вслед.

Ветер качнул ветки берёз. Где-то в лесу закричала птица. Илья поднял голову к небу — серому, тяжёлому, предгрозовому.

Десять имён. Но он знал их всех. Значит, десятый — либо кто-то, кого он забыл. Либо кто-то, кого он никогда не знал.

Либо кто-то, кто не должен был быть жив.

Глава 2

Интернат «Берёзовая роща» стоял на краю леса, в пятнадцати километрах от города. Когда-то здесь была дорога с твёрдым покрытием — асфальт, разметка, даже фонари. Теперь от неё осталась только разбитая бетонка, заросшая травой и усыпанная гравием. Автобусы сюда не ходили. Таксисты брали двойную цену, и то неохотно — обратно можно было не найти машину.

Илья приехал вторым. Он остановил машину в двадцати метрах от ворот, заглушил двигатель и вышел. Сзади подъехала Анастасия на старой «Тойоте» — она держалась позади всю дорогу, словно не хотела обгонять, словно не хотела быть впереди.

Здание интерната выглядело ровно так, как он его помнил. Трёхэтажный корпус из красного кирпича, с высокими узкими окнами и массивной входной дверью, обитой жёстью. Крыша просела местами, штукатурка осыпалась, в углах стен пробивался мох. Забор — металлическая сетка с колючей проволокой сверху — местами был повален. Двор зарос бурьяном, баскетбольное кольцо висело на одной перекладине, качели во дворе ржавели.

Но в окнах второго этажа горел свет. Жёлтый, тёплый, как будто кто-то зажёл лампу в той самой спальне, где они жили десять лет назад.

Илья стоял у ворот и смотрел на этот свет. Сердце билось ровно, но слишком сильно — как перед боем. Он знал, что войти будет тяжело. Он не знал, что будет ещё тяжелее — видеть этот свет.

Машины подъезжали одна за другой.

Денис Воронов приехал на чёрном джипе. Он вышел первым — крупный, с широкими плечами и бычьей шеей. За десять лет он раздался, как будто каждый день в тренажёрном зале — или в автосервисе, поднимая колёса и движки. Он подошёл к Илье, хлопнул его по плечу, засмеялся.

— Ну что, Соболев? Ты ещё живой, я смотрю?

Илья улыбнулся в ответ. Денис всегда был таким — громким, весёлым, с хриплым смехом, который заполнял всё пространство вокруг. В школе он был главным хулиганом. Теперь он владел автосервисом и говорил о машинах так, как будто они были живыми. Илья помнил, как однажды они с Денисом устроили драку на спортплощадке — тогда оба получили по выговору и по неделе отработок. Денис тогда смеялся. И сейчас смеялся.

Но когда Денис опустил руку, Илья заметил, что пальцы его дрожат.

— А ты нервничаешь, — сказал Илья тихо.

Денис перестал смеяться. Посмотрел на него — в глазах было что-то, что он не хотел показывать. Илья видел это в течение секунды — и Денис снова надел маску.

— Нервничаю? — усмехнулся он. — Я? Да я в таких ме-

стах каждый день. Кто-то забыл ключи, кто-то не может ворота открыть. — Он снова хохотнул. — Здесь просто грязи больше.

Он отошёл к воротам, достал сигареты. Его руки дрожали, когда он прикуривал.

Следующей приехала Ольга Темникова на ярко-красной «Киа-Рио». Она выскочила из машины с лёгкостью, которая казалась наигранной. На ней были джинсы, лёгкая куртка и кроссовки — как у человека, который приехал на прогулку. Она улыбалась всем, но улыбка была профессиональной — той, которой улыбаются людям перед интервью.

— Привет! — сказала она звонко. — Илья, какой ты стал взрослый! Аня! — Она обняла Анастасию, которая стояла в стороне. — Выглядишь отлично! Денис, ты всё такой же огромный!

Денис фыркнул и отвернулся.

Ольга вытащила из сумки диктофон и включила его, не спрашивая ни у кого разрешения.

— Я думаю, это будет исторический материал, — сказала она, подмигнув. — Встреча через десять лет в заброшенном интернате. Классная тема для статьи.

— Ты всегда думаешь о статьях, — сказала Анастасия холодно. — Даже здесь.

— А где ещё думать? — Ольга пожала плечами. — Жизнь — это материал, ребята. Особенно наша жизнь.

К ним подошла Рита Кравец. Она появилась неслышно,

как тень. Вышла из старого синего «Форда», который остановился в стороне, и медленно направилась к воротам. Её лицо было спокойным, почти бесстрастным, но взгляд — тот самый взгляд, который Илья помнил с детства — сканировал всех по очереди, впивался в лица, как рентген.

— Здравствуйте, — сказала она ровным голосом. Голос был низким, без интонации, как у человека, который привык говорить только по делу. — Мы все здесь?

— Все, — сказал Илья. — Все, кто приехал.

Рита скользнула по нему взглядом. На секунду задержалась на его лице. Потом перевела глаза на Анастасию. На Дениса. На Ольгу.

— Хорошо, — сказала она. И встала в стороне, сложив руки на груди.

Илья заметил, что она стоит так, чтобы видеть всех сразу.

Подошёл Константин Белов. Он был в дорогом тёмном пальто, хотя на улице было тепло. Его лицо было гладким, как у человека, который тщательно ухаживает за собой. Он выглядел старше своих двадцати восьми — уверенный, спокойный, с лёгкой улыбкой, которая не касалась глаз.

— Илья, — сказал он, пожимая руку. — Давно не виделись.

— Пять лет, — ответил Илья. — Ты изменился.

— Ты тоже, — сказал Константин. Его рукопожатие было коротким и сухим. Он отошёл к воротам и, как Рита, встал так, чтобы видеть всех.

Сергей Пастухов приехал с женой. Они остановились в стороне, и Сергей не выходил из машины несколько минут. Потом открылась дверь, и он появился — худой, с глубокими кругами под глазами, в старой джинсовке, которая висела на нём мешком. Рядом с ним — женщина, которую Илья не знал. Невысокая, с мягким лицом и настороженными глазами.

— Привет, — сказал Сергей. Голос у него был тихий, как будто он боялся говорить громко. — Это... это Полина. Моя жена.

Илья кивнул. Он хотел что-то сказать, но слова не находились. Сергей всегда был «смотрителем» — тем, кто докладывал воспитателям. Его ненавидели все, но боялись ещё больше. Илья помнил, как Сергей однажды стоял у двери спальни, подслушивал, а потом уходил и через час возвращался с воспитателем. Илья ненавидел его за это. Но сейчас он видел перед собой просто человека, который боялся так же сильно, как и все.

— Здравствуйте, — сказала Полина тихо. Она держалась за руку мужа, как за спасательный круг. Илья кивнул.

Последним приехал Виктор Громов. Он остановил старенькую «Ниву» у самого забора и вышел, ни на кого не глядя. Виктор был незаметным — такой же, как и в школе. Обычный парень, которого никто не запоминал. Илья всегда думал, что Виктор специально старался быть невидимым — чтобы его не трогали, не замечали, не трогали. И сейчас, де-

сять лет спустя, он всё ещё старался сливаться с фоном.

— Привет, — сказал Виктор, не глядя ни на кого. Он закурил — быстро, нервно, как человек, которому нужен дым, чтобы дышать.

Все стояли у ворот. Девять человек. Девять машин. И одно здание с горящим светом на втором этаже.

Илья посмотрел на входную дверь. Она была массивной, обитой железом, с тяжёлой ручкой и старым замком, который он помнил с детства — круглый, с красным цилиндром. Тогда он казался неприступным. Сейчас — просто старый замок на старой двери.

— Кто-нибудь был здесь раньше? — спросил Илья.

Все покачали головами.

— Значит, свет зажжёт кто-то из нас.

Он подошёл к двери. Коснулся ручки. Металл был холодным. Он повернул её.

Замок щёлкнул. Дверь приоткрылась. Чёрная щель между створками — сантиметр, не больше.

— Открыто, — сказал Илья.

Он толкнул дверь. Она поехала легко, без скрипа, как будто кто-то смазал петли совсем недавно.

Внутри было темно. Только свет на втором этаже — жёлтый, тёплый, отбрасывающий длинные тени на лестницу.

— Кто-то уже здесь, — сказал Денис. Его голос дрожал. Он попытался усмехнуться, но получилось только нервно. — Ну что, войдём? Или будем стоять как придурки?

Никто не двинулся.

Илья сделал шаг вперёд. Перешагнул порог.

— Илья, — позвала Анастасия. Её голос был ровным, но в нём слышалась тревога. — Ты уверен?

Он обернулся.

— Мы обещали, — сказал он. — Мы приехали. Мы вошли. И мы... мы узнаем правду.

Он повернулся обратно. Посмотрел в тёмный коридор. В конце — лестница на второй этаж. Свет горел там, где была спальня Лены.

Из глубины здания донёсся звук — тихий, почти неслышимый. Песня. Кто-то напевал мелодию. Старую, знакомую мелодию. Илья узнал её.

Это была песня, которую Лена любила слушать по ночам, когда все уже спали.

Илья похолодел.

— Ты слышал? — спросил он, обернувшись.

Но Денис смотрел на него с таким же застывшим лицом. Все смотрели в коридор, в темноту, откуда доносилась песня.

— Слышали, — выдохнул кто-то.

Илья переступил порог. Сделал шаг в темноту.

Дверь за его спиной медленно закрылась. Кто-то — или что-то — закрыло её. Без звука. Без скрипа. Просто створки сошлись, и щёлкнул замок.

Илья обернулся.

— Илья, — сказала Анастасия. — Дверь.

Он дёрнул ручку. Заперто.

— Кто закрыл? — спросил он.

Никто не ответил. Все стояли внутри. Девять человек. И кто-то наверху, кто напевал песню Лены.

Тишина в коридоре стала плотной, как вода.

А потом сверху раздался голос — тонкий, детский, почти невинный.

— *Входите. Я ждал вас.*

Илья поднял голову. На лестнице никого не было. Только свет на втором этаже мигнул раз — и погас.

— Чёрт, — выдохнул Денис.

Илья повернулся к двери. Попробовал ещё раз. Заперто намертво.

Они были заперты внутри. Все девять.

Но голос сказал «я ждал вас». Значит, внутри был кто-то десятый. Тот, кто знал, что они придут. Тот, кто ждал их десять лет.

Глава 3

Они стояли в темноте прихожей. Девять человек, сбившихся в плотную группу, как стадо, почуявшее хищника. Слышно было только дыхание — чужое, своё, перемешанное в общий ритм страха.

— У кого-нибудь есть фонарик? — спросил Илья.

— В машине, — ответил Денис. — Как и все нормальные вещи.

— У меня есть. — Рита достала из кармана небольшой фонарик, щёлкнула. Тонкий белый луч упёрся в стену, осветив облупившуюся зелёную краску. — Идёмте.

Они двинулись вперёд. Илья шёл первым, Рита — следом, освещая путь. Остальные — за ними, тесно, почти касаясь плечами.

Коридор первого этажа был таким же, как десять лет назад. Тот же линолеум — вытертый до дыр, с пятнами, которые когда-то были чернилами или кровью. Те же двери — классные комнаты, мастерские, столовая. Те же окна, заколоченные изнутри досками. Запах сырости, плесени и старого дерева ударил в нос, как только они перешагнули порог.

Илья вдыхал этот запах, и ему казалось, что время свернулось в кольцо. Он снова был шестнадцатилетним, шёл по этому коридору в темноте, боялся коменданта и думал, что хуже уже не будет. Тогда он не знал, что хуже будет через два

года, когда они найдут Лену на полу актового зала.

— Господи, как здесь воняет, — сказала Ольга. Она держала диктофон перед собой, как оберег. — Плесень, гниль... и что-то ещё.

— Смертью пахнет, — тихо сказала Рита.

— Заткнись, — огрызнулся Денис. — Не надо так.

— Ты всегда боялся слова «смерть», Денис, — сказала Рита без интонации. — Даже в школе. Интересно, почему.

— Я сказал, заткнись.

Илья остановился. Он почувствовал, что напряжение за спиной вот-вот выльется в драку. Не сейчас. Не здесь.

— Все тихо, — сказал он. — Мы здесь, чтобы разобраться. Не чтобы перессориться.

— Разобраться в чём? — спросил Константин. Он стоял чуть в стороне, руки в карманах, лицо спокойное, как у хирурга перед операцией. — Что мы можем разобрать здесь? Это просто старое здание. В нём никто не живёт десять лет.

— Там горел свет, — сказала Анастасия. — И кто-то запер дверь.

— Может быть, это были вы? — Константин повернулся к ней. — Может быть, ты приехала раньше и всё подготовила?

Анастасия посмотрела на него в упор.

— Я приехала вместе с Ильёй. Он видел.

— Я видел, — подтвердил Илья.

— Может, вы заодно, — сказал Константин. — Может, это вы всё устроили.

— Зачем? — спросил Илья.

— Не знаю. — Константин пожал плечами. — Может, вы хотите, чтобы мы все здесь погибли. Как Лена.

Повисла тишина. Слова Константина повисли в воздухе, тяжёлые, как мокрая ткань.

— Ты больной, — сказал Денис.

— Я реалист, — ответил Константин. — И не доверяю никому. Особенно тем, кто организывает встречи в заброшенных интернатах.

Илья сжал кулаки. Он хотел сказать, что это была не его идея — не до конца. Что идея пришла сама, как будто кто-то вложил её ему в голову. Но вместо этого он просто сказал:

— Мы идём дальше. В актовЫй зал.

— Ты уверен? — спросила Анастасия.

— Там лежит конверт. Я должен увидеть.

Они пошли дальше.

Коридор первого этажа вёл к центральной лестнице, а от неё — направо, в боковое крыло, где находился актовЫй зал. Стены были исписаны граффити — старыми, выцветшими, оставленными учениками разных лет. Имена, даты, признания в любви, проклятия. Всё то же, что и десять лет назад.

— Смотрите, — сказал Виктор.

Он остановился у стены, где заканчивались граффити. Надпись была свежей — ярко-красная, чёткая, выведенная широкой кистью. Буквы были ровными, почти каллиграфическими:

«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ, ДЕТИ»

Илья замер. Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Это... это кровь? — спросил кто-то из-за спины. Голос Полины, жены Сергея. Она впервые заговорила с тех пор, как они вошли. Голос её дрожал.

— Нет, — сказал Денис. Он подошёл ближе, потрогал краску пальцем. — Не кровь. Обычная краска. Красная, дешёвая. Из строительного магазина.

— Кто-то пришёл сюда до нас, — сказал Илья. — И приготовил это.

— Может быть, тот, кто включил свет, — добавила Ольга. Она фотографировала надпись на телефон. — Это будет отличный кадр.

— Ты серьёзно? — спросила Рита. — Мы заперты в здании, кто-то нас ждёт, и ты делаешь фото для статьи?

— Если я умру, это будет мой последний материал, — ответила Ольга с натянутой улыбкой. — Я должна запечатлеть всё.

— Ты не умрёшь, — сказал Илья. — Никто не умрёт. Мы просто найдём того, кто это сделал, и выйдем отсюда.

Он сказал это, но сам не верил своим словам. Слишком хорошо он помнил ту ночь. Слишком хорошо знал, что такое — найти тело.

Полина дрожащими руками достала телефон и начала фотографировать. Всё подряд — стены, двери, надписи, лица. Илья видел её лицо в свете экрана — испуганное, бледное.

Она не знала никого из них. Не знала их тайн. Не знала, что произошло здесь десять лет назад. Она была здесь впервые, и, наверное, чувствовала себя хуже всех — потому что вокруг были чужие люди, которые перешёптывались, переглядывались, знали что-то, чего не знала она.

— Полина, — сказал Илья тихо. — Может, не надо фотографировать?

Она подняла на него испуганные глаза.

— Я хочу запомнить. Всё запомнить. Если что-то случится...

— Ничего не случится, — перебил Сергей. Он взял жену за руку. — Мы просто постоим здесь, поговорим и уедем. Хорошо?

Полина кивнула, но телефон не убрала.

Они пошли дальше. Дверь в актовый зал была приоткрыта — ровно настолько, чтобы в неё мог пройти один человек. За ней было темно.

Рита осветила фонариком дверной проём.

— Заходим? — спросила она.

— Да, — сказал Илья.

Он толкнул дверь.

Актовый зал встретил их тем же запахом пыли и старого дерева. Стулья всё так же стояли рядами, сцена пустовала, занавес был задёрнут. Портрет директора — Степана Ильича Лобанова — висел на своём месте, но его лицо было закрыто чем-то белым.

— Что это? — спросил Денис.

Илья подошёл ближе. Ткань — старая простыня, привязанная к раме портрета. Он дёрнул её. Простыня упала, обнажив лицо директора.

Оно было перечёркнуто красной краской — та же красная, что и надпись в коридоре. Две жирные линии, крест-накрест, через глаза. Директор смотрел на них мёртвым взглядом, а красный крест будто зачёркивал его, как ошибку.

Илья отступил на шаг. Сердце колотилось. Он смотрел на портрет и видел то же лицо, что и в ту ночь. Только теперь на нём был крест.

— Кто-то ненавидит директора, — сказал Константин.

— Все его ненавидели, — ответил Денис.

— Нет, — сказал Илья. — Не все. Кто-то ненавидит его настолько, чтобы прийти сюда и зачеркнуть его лицо.

Он перевёл взгляд на подоконник. Там, где Лена оставила конверт десять лет назад, лежал другой. Такой же бумажный, такой же пожелтевший, с той же надписью.

«Для тех, кто останется».

Илья подошёл к нему. Пальцы дрожали. Он взял конверт — он был влажным. И когда он перевернул его, увидел следы крови. Свежие. Красные. Пальцы испачкались в них — липкие, тёплые.

— Боже, — выдохнул кто-то за спиной.

Илья повернулся. Все смотрели на конверт. На его руки, перепачканные кровью.

— Открой, — сказала Анастасия.

— Что если там... — начал Денис.

— Открой, — повторила она.

Илья разорвал конверт. Внутри был листок, сложенный втрое. На нём — та же запись, что и десять лет назад, но слова были другими.

«Вы все здесь. Все, кто остался. Один из вас — убийца. Он убил Лену. Он убил Катю. Он убьёт вас всех, если вы не назовёте его имя. У вас есть один час. Или я начну убивать сам».

— Это шутка, — сказал Денис. Голос его сорвался. — Это просто шутка. Кто-то решил нас разыграть.

— Кровь свежая, — сказал Константин. Он взял конверт из рук Ильи, осмотрел. — Это кровь человека. Не животного. Я знаю разницу.

— Откуда ты знаешь? — спросила Рита.

— Я хирург, — сказал Константин спокойно. — Я видел много крови.

— Это может быть чья-то кровь, — сказал Илья. — Может быть, того, кто оставил конверт.

— Или того, кого он уже убил, — добавила Полина. Её голос был тихим, но в нём слышалась уверенность. — Мы не знаем, что здесь произошло до нашего приезда.

Илья посмотрел на окна. Заколоченные. На двери. Закрытые. На свет, который погас на втором этаже. На портрет с перечёркнутым лицом.

Он снова посмотрел на письмо.

«Один час».

— У нас есть время, — сказал он. — Один час, чтобы понять, кто это сделал.

— Или чтобы убежать, — сказал Денис.

— Дверь заперта, — напомнила Анастасия. — Мы не можем убежать.

— Тогда мы должны найти выход, — сказал Константин. — Или найти того, кто нас запер.

В зале повисла тишина. Девять человек смотрели друг на друга. Каждый из них знал, что среди них может быть убийца. И каждый знал, что кто-то из них — возможно, тот, кого они знали всю жизнь — уже держал нож в руках.

Илья сжал конверт в руке. Кровь на его пальцах уже начала подсыхать, превращаясь в липкую корку.

— Мы начнём с того, — сказал он, — что обыщем здание. Вместе. Без паники. И мы найдём того, кто это сделал.

— А если не найдём? — спросил Виктор.

Илья посмотрел на него.

— Тогда он найдёт нас.

Тишина. Слышно только, как где-то на втором этаже снова зажёгся свет. Жёлтый, тёплый. И снова — песня. Та же мелодия, которую Лена любила слушать по ночам.

Она доносилась из спальни, где она жила десять лет назад.

Илья поднял голову на потолок. Песня звучала громче, чем в прошлый раз. Кто-то пел там, наверху. Голос был дет-

ским, невинным, тонким.

«Входите, — пел голос. — Я ждал вас. Я ждал вас десять лет».

Илья обернулся к остальным.

— Мы идём туда, — сказал он. — Все вместе. И мы посмотрим, кто там.

— А если это Лена? — спросил Виктор. Его голос дрожал.
— Если она жива?

Илья посмотрел на него. На всех. На лица, которые он знал с детства. На лица, которые могли скрывать что угодно.

— Если это Лена, — сказал он, — то она должна была умереть ещё раз десять лет назад. И мы узнаем почему.

Он шагнул к двери. Остальные двинулись за ним.

Свет на втором этаже горел. Песня звучала громче. И где-то в глубине здания, в коридоре, ведущем в спальню Лены, слышались шаги.

Шаги человека, который ждал их десять лет.

Глава 4

Они вышли из актового зала в коридор. Свет на втором этаже горел ровно, без мерцания, как будто кто-то зажёл лампу и ждал их прихода. Песня стихла, но в тишине теперь слышались шаги — медленные, тяжёлые, ритмичные. Кто-то ходил по коридору второго этажа, не скрываясь, как будто знал, что они слышат.

Илья остановился у лестницы. Остальные — за ним.

— Мы идём, — сказал он.

— Может, разделимся? — предложил Денис. — Одни пойдут наверх, другие проверят первый этаж.

— Нет, — сказала Анастасия. — Никаких разделений.

— Почему? — Денис усмехнулся, но усмешка получилась нервной. — Боишься остаться одна?

— Я боюсь, что кто-то из нас останется один с убийцей.

Слова повисли в воздухе. Никто не возразил.

— Идём вместе, — сказал Илья. — Всё здание. От начала до конца.

Он начал подниматься по лестнице. Ступени скрипели под ногами — каждая по-своему, с разной высотой и тональностью. Илья помнил этот звук. Он просыпался от него каждую ночь в течение двух лет, когда думал, что комендант идёт проверять спальню.

Второй этаж встретил их полумраком. Свет горел толь-

ко в конце коридора — там, где находилась спальня Лены. Остальные лампы были выключены, но откуда-то из-за окон пробивался лунный свет, делая коридор серебристым и призрачным.

Илья остановился перед дверью в спальню. Она была приоткрыта, как и все двери в этом здании. Он толкнул её.

Комната выглядела так, как будто из неё ушли вчера. Кровать, заправленная старым серым покрывалом. Стол, на котором лежали учебники — те же самые, что и десять лет назад. На стене — плакат с группой, которую слушала Лена. На подоконнике — засохший цветок в горшке.

Но на кровати лежал конверт.

Третий. Такой же, как в актовом зале, как тот, что был в руках у Анастасии. На нём — та же надпись: *«Для тех, кто останется»*.

Илья подошёл к кровати. Пальцы всё ещё были в крови от предыдущего конверта. Он взял этот — сухой, чистый.

— Открой, — сказала Анастасия.

Он разорвал конверт. Внутри — листок. Он развернул его.

Текст был написан тем же почерком, что и раньше — ровным, аккуратным, почти каллиграфическим.

«Десять лет назад, в эту ночь, вы убили свою подругу.

Кто-то из вас был тем, кто держал нож.

Кто-то из вас смотрел, как она умирает, и ничего не сделал.

Кто-то из вас закричал, но никто не пришёл.

Вы все — убийцы. Но один из вас — настоящий убийца.

Тот, кто нанёс удар.

Признание — единственный шанс уйти живым.

Если вы не признаетесь — я назову имя сам. И тогда вы все умрёте.»

Илья поднял глаза. Перечитал последние строчки.

— Это шутка?! — закричал Денис. Его голос сорвался на визг, хотя он пытался говорить громко и уверенно. — Это просто шутка! Кто-то из нас решил нас разыграть! Это не смешно!

Он схватил листок из рук Ильи, прочитал, скомкал и швырнул в стену.

— Денис, — сказала Рита ровным голосом, — это не шутка. Кто-то знает. Кто-то был там. Кто-то из нас убил Лену.

— Откуда ты знаешь?! — Денис повернулся к ней. Его лицо было красным, глаза бегали. — Ты знаешь? Ты была там! Ты видела!

— Я была там, — сказала Рита. Её голос не дрогнул. — Я видела, как она упала. Я видела, как кто-то стоял над ней. Я не видела лица. Но я помню руки. Мне кажется, я узнала бы их сейчас.

Все инстинктивно посмотрели на свои руки. Кто-то спрятал их в карманы, кто-то сжал в кулаки.

— Мы все были там, — сказал Илья. — Мы все видели. Но нож держал не я.

— Я тоже не держал, — сказал Денис.

— Мы все так говорим, — вмешался Константин. — Проблема в том, что один из нас лжёт.

— Может быть, это ты? — спросила Ольга. Она держала диктофон перед собой, записывая каждое слово. — Ты всегда был самым спокойным. Даже тогда. Когда Лена умерла, ты не плакал. Ты просто стоял и смотрел.

— Я не плачу на людях, — сказал Константин холодно. — Это не означает, что я убийца.

— Или именно это означает, — сказала Рита.

Константин посмотрел на неё. В его взгляде не было страха. Только холодное любопытство.

— Ты психолог, Рита, — сказал он. — Ты всегда думала, что можешь читать людей. Скажи мне, кто убийца? Ты знаешь?

Рита посмотрела на него в упор.

— Ещё нет. Но я узнаю.

— А если узнаешь, что ты сделаешь? — спросил Денис. — Сдашь его? Или просто скажешь, и мы все умрём?

— Мы не умрём, — сказал Илья. — Мы найдём убийцу и остановим его.

— А если это ты? — спросил Денис, глядя на Илью. — Ты организовал эту встречу. Ты позвал всех сюда. Может быть, это твой план? Заманить нас всех и убить?

Илья посмотрел на него.

— Если бы я хотел вас убить, я бы не приехал сам, —

сказал он.

— Может быть, ты хочешь умереть вместе с нами? — сказал Денис. — Может быть, ты чувствуешь вину и хочешь покончить с этим?

В комнате повисла тишина.

— Денис, — сказала Анастасия тихо. — Заткнись.

— Что?

— Ты несешь чушь. Илья не убивал Лену.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я знаю, как он выглядит, когда говорит правду. — Она посмотрела на Илью. — Он не лжёт.

Илья встретил её взгляд. Она знала его лучше всех. И она верила ему.

— Я не убивал Лену, — сказал он. — Я клянусь.

— Клятвы ничего не значат, — сказал Константин. — Мы все можем клясться.

Илья хотел ответить, но в этот момент свет в коридоре мигнул. Один раз. Потом погас полностью.

В комнате стало темно. Слышно было только дыхание девяти человек.

А потом сверху, с третьего этажа, раздались шаги. Тяжёлые, медленные, как будто кто-то шёл по бетонному полу в армейских ботинках. Шаги приближались к лестнице.

— Кто там? — спросил Денис. Голос его дрожал.

Шаги остановились. Тишина.

— Это может быть человек, — сказала Рита. — Кто-то

живой.

— Или кто-то мёртвый, — сказал Константин.

— Не говори так, — прошептала Полина.

Шаги возобновились. Они были уже на лестнице, спускались со второго этажа.

Илья вытащил телефон. Включил фонарик. Свет выхватил лица остальных — бледные, мокрые от пота.

— Мы должны пойти и посмотреть, — сказал он.

— Или мы должны закрыться здесь, — сказал Денис. — Запереть дверь и ждать утра.

— А если тот, кто там, откроет её? — спросил Сергей.

— Тогда мы умрём, — сказал Денис.

Илья посмотрел на дверь. Шаги уже спускались, были на полпути.

— Мы идём, — сказал он. — Все вместе.

Он шагнул к двери. Открыл её.

Коридор был пуст. Свет не горел. Только лунный свет из окон освещал лестницу. На лестнице никого не было.

Но шаги продолжались. Они доносились с первого этажа.

— Кто-то спустился, — сказал Илья. — Кто-то был здесь.

И он ушёл на первый этаж.

— Может быть, это был тот, кто оставил конверты, — сказала Рита. — Он хочет, чтобы мы пошли за ним.

— Или он хочет, чтобы мы разделились, — сказал Константин.

Илья посмотрел вниз. Шаги стихли. Тишина.

— Мы идём, — сказал он. — Все вместе. И мы узнаем, кто это.

Он начал спускаться. Остальные — за ним.

Когда они дошли до первого этажа, шаги возобновились. Теперь они доносились из столовой.

Илья толкнул дверь в столовую. За ней было темно.

Он включил фонарик. Свет выхватил пустые столы, пустые стулья. И тело, лежащее на полу в центре.

Илья замер. Сердце ухнуло куда-то вниз.

— Это... — начал Денис.

Илья подошёл ближе. Тело было женским, худым, в старой школьной форме. На полу была кровь, много крови.

Он перевернул тело.

Лицо было незнакомым. Это была не Лена. Не Катя. Незнакомая женщина, молодая, с разбитым лицом и стеклянными глазами.

Илья отступил на шаг. В груди застыл холод.

— Она не из нас, — сказал он. — Кто-то убил её здесь, до нашего приезда.

— Мы не знаем её, — сказала Анастасия. — Мы никогда не видели её.

— Но она здесь, — сказал Константин. — Она была здесь, когда мы приехали.

Илья посмотрел на неё. Она лежала в центре столовой, там, где они когда-то сидели за завтраком. На её руке было вырезано ножом одно слово.

«НАЧАЛО»

— Это только начало, — сказал Илья. — Он сказал — мы все умрём. И он начал убивать ещё до того, как мы вошли.

Сверху снова раздались шаги. Тяжёлые, медленные. Кто-то поднимался на второй этаж.

Илья поднял голову. В темноте лестницы никого не было. Только звук шагов, который становился всё громче.

— Он хочет, чтобы мы пошли за ним, — сказала Рита.

— Это ловушка, — сказал Денис.

— Мы должны пойти, — сказал Илья. — Мы должны узнать, кто это.

Он шагнул к двери, оставляя тело незнакомки на полу. Шаги наверху затихли.

Илья остановился у лестницы.

— Мы идём, — сказал он. — Все вместе.

Они начали подниматься по лестнице. В темноте. В тишине. Зная, что где-то наверху их ждёт тот, кто знает все их тайны. И кто только начал своё дело.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.